

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

Материалы международной конференции
«Типология морфосинтаксических параметров 2014»

Выпуск 1

Москва
МГГУ им. М. А. Шолохова
2014

Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Под редакцией Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. Рецензенты: к. ф. н. О. И. Беляев, д. ф. н. Я. Г. Тестелец. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. — 272 с. ISBN 978-5-8288-1555-5

Ю. К. Кузьменко

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

К ТИПОЛОГИИ СУФФИКСАЦИИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ АРТИКЛЕЙ¹

1. Введение

Цель данной статьи — попытаться определить, с чем могла быть связана суффиксация определенных артиклей. Речь пойдет не о типологии появления категории определенности, а только о типологии появления суффиксированных артиклей. Материалом будут служить суффиксированные артикли в индоевропейских, уральских, алтайских, афразийских и кавказских языках.

В литературе обычно говорят и о свободностоящих, и о суффиксированных определенных артиклях, не обращая внимания на степень их грамматикализации, т. е. на степень регулярности употребления соответствующих форм в соответствующих значениях. В частности отмечают существование определенного суффиксированного артикля в древних скандинавских языках и даже в общескандинавском см., напр. [Naugen 1984: 203, 377], хотя при простом сравнении переводов древнескандинавских текстов на современные скандинавские языки очевидным становится отсутствие грамматикализации определенного артикля². В целом ряде языков Африки, в которых предполагают наличие определенных артиклей, часто отмечают, что их употребление не столь обязательно и часто, как например в современных германских или романских языках, ср., напр., замечания Щеглова об определенном суффиксированном артикле в языке хауса [Щеглов 1970: 112-113]. Отсутствие обязательности и нерегулярность употребления артикля свидетельствует об отсутствии его грамматикализации или

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-04-00580.

² Так, например, отрезку текста из языка древнешведских законов (Упландское право), в котором определенный артикль употреблен 32 раза соответствует перевод на современный шведский язык, в котором 308 форм с определенным артиклем [Kusmenko 2008: 97].

о его частичной грамматикализации (и разные языки показывают разную степень грамматикализации). Однако именно эта разная степень грамматикализации на разных этапах развития одного языка, или, при отсутствии таких свидетельств, в разных языках позволяет нам реконструировать этапы грамматикализации.

Основной вопрос настоящей работы, насколько появление суффиксированного артикля может быть связано с существованием притяжательных суффиксов, т. е. суффиксального обозначения притяжательности, характерного для многих языков, ср., напр., фин. *taloni* «мой дом», *talosi* «твой дом» и *talonsa* «его, ее дом». На первый взгляд такой зависимости нет. Если мы посмотрим на историю появления суффиксированных артиклей в скандинавских языках или в языках балканского ареала, то не обнаружим в этих языках притяжательных суффиксов. С другой стороны есть языки, в которых наличие притяжательных суффиксов сочетается с существованием свободностоящего определенного артикля, которые на первый взгляд противоречат возможной связи суффиксации артикля с наличием притяжательных суффиксов. Именно такова ситуация в венгерском, где наличие обязательного начального словестного ударения и агглютинация казалось бы должны были привести к хореической структуре с суффиксированным определенным артиклем, а не к ямбической структуре с его препозицией. Попытаемся все же определить, возможна ли связь суффиксации определенного артикля с существованием притяжательного склонения. Для ответа на вопрос, насколько суффиксация определенных артиклей может быть связана с существованием притяжательных суффиксов, сравним вначале функции определенных артиклей и функции притяжательных суффиксов.

1.1 Артиклевые значения притяжательных суффиксов

Одна из основных функций определенных артиклей — указание на коммуникативное членение предложения, т. е. на тему (известную и слушающему и говорящему) в языках с относительно фиксированным порядком слов. История германских и романских языков показывает нам, что определенный артикль развивается, прежде всего, в языках с грамматикализированным фиксированным порядком слов, поскольку в этих языках теморематические функции порядка слов ограничены. В языках с не-

грамматикализированным так называемым свободным порядком слов без определенных артиклей именно порядок слов выполняет основные функции коммуникативного членения:

неопределенный артикль — рема

англ. *The door opened and **a pretty girl** came in into the room.*
(рема)

нем. *Die Tür öffnete sich und **ein hübsches Mädchen** kam ins Zimmer herein.*

шв. *Dörren öppnades och **en snygg flicka** kom in i rummet*

Нулевой артикль — рема

Isl. *Dyrin opnaðist og **yndileg stúlka** kom inn í stofuna.*

ср. русск. *Дверь открылась и в комнату вошла **симпатичная девушка (a pretty girl)*** (рема).

определенный артикль — тема:

*The door opened and **the pretty girl** came in into the room.*
(тема)

*Die Tür öffnete sich und **das hübsche Mädchen** kam ins Zimmer herein. Dörren öppnades och **den snygga flickan** kom in i rummet*

*Dörren öppnades och **den snygga flickan** kom in i rummet*

*Dyrin opnaðist og **yndilega stúlkann** kom inn í stofuna.*

Ср. русск. *Дверь открылась и **симпатичная девушка (the pretty girl)** вошла в комнату.* (тема)

При относительно фиксированном грамматикализированном порядке слов тема-рематические отношения выражены артиклями. При относительно свободном порядке слов они выражены порядком слов как в русском «Дверь открылась и в комнату вошла **симпатичная девушка (a pretty girl)**» и «Дверь открылась и **симпатичная девушка (the pretty girl)** вошла в комнату». Эта же функция выражается и в анафорическом употреблении артикля (*The door opened and **a pretty girl** came in into the room. **The pretty girl** (she) was followed by a young man.*)

Если мы обратимся к языкам с притяжательными суффиксами, то обнаружим, что во многих из них именно притяжательные суффиксы оказываются показателями актуального членения. Многочисленны примеры артиклевого значения притяжательных суффиксов в уральских языках. В языках коми, где притяжательные суффиксы могут иметь значения определенности и часто называются «определительно-притяжательными», форма типа *керка-ыд* значит не только «твой дом», но и «известный тебе дом», а форма *керка-ыс* не только «его дом», но и «этот дом или известный дом» [Прокушева 1984: 44]. Особенно очевидно появление чисто детерминативной функции у притяжательного суффикса в тех случаях, когда притяжательный суффикс третьего лица ед. числа используется с существительным, относящимся к первому лицу, см. лузско-летский диалект коми: *Пэтö йона с'инваис с'инйасыс* (*s'injas-poss.3.sg.*). «У меня сильно из глаз (текут) слезы-его». *Мэнам* (Pron.1.Sg. Abl.) *кыыс* (*ki-poss.3.sg.*) *с'öкыд, скöт оз олны* «У меня рука-его тяжелая, скот не приживается» (Жилина 1985, 43). Чаще всего в значении определенного артикля выступает притяжательный суффикс третьего лица единственного числа. Однако возможно и употребление в таком значении суффикса второго лица ср. *Вöрын оліс ош. Ош-ыт* (poss. 2.sg.) *öддён ыждыт*. «В лесу жил медведь (*ош*). Медведь (*ош-ыт* букв. *медведь-твой*) был большой», (т. е. медведь, о котором я тебе рассказываю) [Серебренников 1963: 137; 1967: 44; Leinonen 1998: 84]. Особенно часто используется в такой функции притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа в диалектах коми-зырянского языка в бассейне Летки и в среднем течении Вычегды, см., напр., *Velas bogatei mužik*. «Живет мужик-богатея». *Siiä getrašas*. «Он женится». *No i olene babamid* (poss. 2. sg.). «Ну и живут, (он) со своей (букв. твоей) бабой» [Schlachter 1960: 112]. «С твоей бабой» — имеется в виду с бабой, на которой он женился, см. предыдущее предложение и которая оказывается темой высказывания (=о которой я тебе сообщил)³. Детерминативная функция притяжательных суффиксов характерна и для самодийских язы-

³ Шлахтер приводит многочисленные примеры на детерминативную функцию притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа и 2-го лица ед. числа в коми-зырянском языке см. [Schlachter 1960: 78-83, 112-122].

ков. В энецком и ненецком языках притяжательный суффикс второго лица ед. числа означает определенность, а не притяжательность, а притяжательный суффикс третьего лица употребляется в значении определенного артикля с единичными предметами [Терещенко 1965: 879]. Подобная же картина характерна и для нганасанского [Терещенко 1979: 95] и частично для селькупского языка [Кузнецова et al. 1980] языков. Очевидна детерминативная функция у притяжательных суффиксов и в удмуртском и мари [Прокушнева 1990]. Даже в финском языке, где притяжательные суффиксы менее употребительны чем в указанных выше финно-угорских и самодийских языках «притяжательный суффикс третьего лица единственного числа используется практически как маркер определенности» (*definitets markör*) — [Sundman 1993: 356]. Таули наряду с притяжательным значением притяжательных суффиксов в уральских языках отмечает «другое важное значение притяжательного суффикса — детерминативное, соответствующее значению определенного артикля в индоевропейских языках, особенно в 3 лице ед. числе» [Tauli 1966: 148].

Детерминативное значение притяжательных суффиксов характерно и для тюркских и для других алтайских языков Вот несколько примеров из алтайских языков на чисто анафористическую функцию притяжательных суффиксов: см. халха-монгольский

Туулай унэг хоёр байжээ. Туулай-нь (tuulai-poss.3.sg) *ногоо иддег, унэг-нь* (унег-poss.3.sg) *тахиа хулгайлдаг биллэ.* «Заяц (и) лиса жили. Заяц-его жевал траву, лиса-его краля кур» [Киекбаев 1964: 238-239]⁴.

Большое количество примеров на артиклевое значение притяжательных суффиксов в разных тюркских языках приводит Грөнбек, который называет эти суффиксы артиклями, сравнивая их значения со значениями определенных артиклей [Grönbech 1936: 92-99]. Он считает, что основная функция притяжательного суффикса третьего лица в тюркских языках «указание на ранее упомянутое» и форма с этим суффиксом означает, что она «ка-

---

⁴ Дальнейшие примеры на подобную функцию притяжательного суффикса в тюркских и других алтайских языках см., напр., [Grönbech 1936: 92-96; Киекбаев 1964: 237-244].

ким-то образом относится к сфере ранее упомянутого» [ibid.: 92]. Уже судя по примерам Грэнбека видно, что среди тюркских языков тематическая функция притяжательных суффиксов наиболее ярко видна в чувашском, единственном сохранившемся языке болгарской группы. Примеры Федотова и Бенцига [Федотов 1970: 183; Benzig 1993: 6], которые переводят чувашские предложения на немецкий, показывают отсутствие поссессивного и присутствие только артиклевое (тематического) значения у притяжательных суффиксов третьего лица единственного числа:

Сынĕ (*çyn-poss.3.sg.*) *мана тырă пачĕ.*

“Der Mann gab mir Getreide”

«Мужчина дал мне зерна».

Карчăкĕ (*karčăk-poss.3.sg.*) *калать*

“Die alte Frau spricht”,

«Старуха говорит».

Павлов [1985: 15] выделяет в чувашском языке грамматическую «категорию выделения», которая выражается разными средствами, основным из которых является притяжательный суффикс третьего лица ед. числа. Задача этой категории «идентифицировать в речи ранее упомянутые предметы» (ibid., 13-16). Эта категория, как мы видим, во многом соответствует категории определенности в языках с определенным артиклем. Причем поссессивные суффиксы возможны в чувашском и в других уральских и алтайских языках не только с существительными, но и с другими частями речи.

Если мы обратим внимание на артиклевые значения притяжательных суффиксов то обнаружим, что кроме тематической функции притяжательных суффиксов второго и третьего лица они подобно определенным артиклям могут иметь эмфатическую функцию [Серебренников, Гаджиева 1979: 101], ср. «категорию выделения» в чувашском. Причем именно в эмфазе демонстративная, анафорическая и индивидуализирующая функция притяжательных суффиксов особенно регулярна, ср., напр., языки коми [Прокушева 1990: 80-84]. Одной из центральных функций артикля в языке хауса является эмфаза [Stoiber 2002]. Эмфатическая функция определенного артикля есть и в современных языках, особенно в разговорном стиле, однако наиболее очевидна она на

ранней стадии развития артикля. Причем в древних германских языках в ряде случаев будущий определенный артикль выражает не определенность, а только эмфазу [Hodler 1954: 18]. Именно с этой эмфатической функцией связано и выделение будущим определенным артиклем основной темы сверхфразового единства, ср., напр., ранние этапы развития определенного артикля в германских языках [Kusmenko 2008: 97, там же литература]. В языке хауса развивающийся определенный артикль появляется только в начале абзаца (периода), отмечая его главную тему, и не используется с этим существительным в остальном тексте абзаца — [Щеглов 1970: 112], т. е. здесь анафорическая функция артикля гораздо слабее, чем его функция выделения темы сверхфразового единства.

Еще одна общая функция определенного артикля и притяжательных суффиксов — это субстантивация прилагательных. Эта функция оказывается одной из самых ранних функций развивающегося определенного артикля, и она характерна для всех языков с притяжательными суффиксами. Серебренников называл субстантивированные прилагательные с притяжательными суффиксами в чувашском языке «определенными прилагательными» [Серебренников 1953: 234-235], что вполне справедливо, поскольку притяжательный суффикс придает прилагательному значение, соответствующее значению слабых прилагательных с определенным артиклем в германских языках, ср. особенно переводы соответствующих чувашских прилагательных на русский: *усал* «глупый» — *усалли* «тот, который глупый», *лайӑх* «хороший» — *лайӑххи* «тот, который хороший» [Павлов 1985: 4].

Притяжательные значения определенных артиклей

Рассмотрим теперь прототипические притяжательные значения определенных артиклей. Такие значения связаны в первую очередь с индивидуализирующей функцией определенного артикля. В том случае, когда референт оказывается в сфере действия одного из трех лиц темы или принадлежит одному из трех лиц, во многих языках с определенными артиклями именно определенный артикль оказывается показателем притяжательности. В случаях типа нем. *Ich habe das Bein gebrochen* или шведского *Jag har brutit benet* «Я сломал ногу» дополнение относится к рематической группе сказуемого. Темой оказывается только член пред-

ложения, выраженный местоимением. Однако дополнение также связано с темой, обозначая в данном случае принадлежность к одному из трех лиц темы. Именно поэтому в языках с определенным артиклем часто именно определенные артикли, а не притяжательные местоимения оказываются показателями притяжательности. Такое правило вовсе не является обязательным, но оно не только возможно, но и является преобладающим, по крайней мере в германских языках. Только английский предпочитает в данном случае притяжательные местоимения.

Сходство категории притяжательности и категории определенности особенно очевидно при сравнении языков, где одно и то же значение выражается в одних языках притяжательным местоимением или притяжательным суффиксом, а в других языках определенным артиклем. Примером такого сходства могут служить не только сравнение значения притяжательных суффиксов в одних языках с притяжательным значением определенных артиклей в других, ср. севсаам. *son lea doadján juolggis* (a.sg.poss.3.sg.) или фин. *hän on murtanut jalkansa* «он сломал ногу-его» и нем. *er hat das Bein gebrochen* или швед. *han har brutit benet* «он сломал ногу», но и сравнение языков с определенными артиклями, в которых притяжательность в основном выражена притяжательными местоимениями, как в английском, с притяжательностью, выраженной определенными артиклями, как во всех германских языках кроме английского, ср.

англ. *He put his hand in his pocket*

нем. *Er hat die Hand in die Tasche gesteckt*

шв. *Han har stoppat ner handen i fickan*

англ. *He has broken his leg*

нем. *Er hat das Bein gebrochen*

шв. *Han har brutit benet*

В языках с притяжательным склонением в подобных случаях всегда используют притяжательные суффиксы, см. выше. Однако и в языках с притяжательными суффиксами и определенным артиклем, как в частности в венгерском, возможно употребление определенного артикля в притяжательном значении, хотя

чаще в таком значении употребляются притяжательные суффиксы [Клепко 1964: 125].

Изафетные конструкции, в которых определенность выражается изафетом (как, например, в венгерском ср., напр., *tánar könyv-e* «книга преподавателя», букв. «преподаватель книга-его» и других финно-угорских языках) также показывают сходство притяжательности и определенности.

Таким образом, мы увидели, что, с одной стороны, притяжательные суффиксы могут иметь значение, соответствующее значению определенных артиклей, а, с другой стороны, определенные артикли могут иметь значение притяжательности. Такая частичная синонимия значений связана с общим сходством семантических категорий определенности и притяжательности, связанным с тем, что существительное с притяжательным суффиксом всегда семантически определено, а определенный артикль имеет значение притяжательности в том случае, когда употребленное с ним существительное относится к тому же лицу, что и управляемое слово⁵. Вопрос в том, отразилось ли это сходство в диахронии и, если отразилось, то каким образом.

2. Появление суффигованного артикля в языках с притяжательным склонением

Традиционно считается, что появление артиклевого значения у притяжательных суффиксов вторично (см., напр., [Schlachter 1960: 84-88; Fraurud 2001: 243; Rubin 2010: 104]), что является очевидным следствием гипотезы о том, что притяжательные суффиксы развились из свободностоящих личных местоимений (см., напр., в алтайских языках [Baskakov 1975]; в уральских языках [Janhunen 1981]). Однако высказывалось предположение, что не притяжательное значение, а именно артиклевое значение и, прежде всего, значение «нахождение в сфере чего-то», было исконным значением притяжательного суффикса. Именно эту функцию притяжательного суффикса в тюркских языках Грэнбек считает исконной, предполагая, что его собственно притяжательное значение, развилось позднее и только

---

⁵ О семантическом сходстве притяжательности и определенности см. особенно [Николаева 1984].

«со временем становится все сильнее и важнее исконного более широкого значения» [Grönbech 1936: 92]. Серебренников и Гаджиева считали, что притяжательные суффиксы в праторкском развились из местоименных основ, служащих первоначально пространственными индикаторами [Серебренников, Гаджиева 1979: 99]⁶. Действительно пространственные представления «рядом со мной (тут)», «рядом с тобой», «рядом с ним (или далеко, там)» исторически («стадиально») появились и грамматикализовались, вероятно, раньше представления о принадлежности («мой, твой, его» и т. п.) и, соответственно, притяжательные значения в исторической перспективе могли появиться в результате переосмысления пространственных значений. Однако представление о таком «стадиальном» развитии человеческого мышления вовсе не означает, что в истории конкретных языков мы не можем обнаружить и развитие локативность > определенность, и развитие поссесивность > определенность.

3. Расширение значения притяжательных суффиксов

В южных эфиопских языках, в которых есть суффиговые артикли с разной степенью грамматикализации, мы несомненно имеем дело с развитием притяжательный суффикс > суффигованный артикль [Rubin 2010: 104]. Такое заключение позволяет нам сделать очень редкое употребление притяжательных суффиксов в артиклевом значении в древнеэфиопском геезе, III-X вв.⁷ и разные формы притяжательных суффиксов в артиклевом значении в разных южноэфиопских языках, что свидетельствует об относительно позднем развитии артиклевой функции у притяжательных суффиксов.

Наиболее очевидна связь появления суффиксации определенных артиклей с притяжательными суффиксами в тех языках,

---

⁶ О возможной первоначальности детерминативного значения у суффиксов, которые потом стали притяжательными, см. также Künnap 2004.

⁷ Рубин отмечает, что в геезе нет суффигового артикля, но иногда встречаются конструкции амхарского типа *ħalamku kälə'a ħəlmə wa-kata-ze ħəlm-u* «Мне приснился другой сон, и такой был этот сон, букв. сон- его» [Rubin 2010: 104].

где притяжательные суффиксы стали непосредственными источниками определенных артиклей. Именно такова ситуация во многих южных эфиопских языках (примеры см. [Appleyard 2005; Rubin 2010, 2011]). В амхарском и аргобба языках, где артиклевая функция притяжательных суффиксов наиболее последовательна, суффицированные артикли полностью совпадают с притяжательными суффиксами *-u/w* (м. р.) и *-wa* (ж. р.), ср., напр., формы типа амх. *bet-u* (“the house/his house”) и *lam-wa* (“the cow/her cow”) или аргоб., соответственно, *bed-u*, *lam-wa*. В языках мухер и эжа определенный артикль тоже суффицирован и имеет форму *-we*. По-видимому и в данном случае мы имеем дело со следом притяжательного суффикса, соответствующего притяжательным суффиксам в амхарском и арггоба⁸. В исчезнувшем южноэфиопском языке гафат, притяжательный суффикс третьего лица единственного числа *-š* использовался как общий определенный артикль (*abäbä- š* “the/his flower”). В языке харари, где суффицированный определенный артикль еще не грамматикализован, и определенность часто не обозначается, также возможно употребление притяжательного суффикса третьего лица единственного числа мужского рода *-zo* в значении определенного артикля (ср. *gār-zo* “the house/his house”). Спорадически притяжательный суффикс третьего лица единственного числа может иметь значение определенного артикля и в языке маскан. Не полностью грамматикализована определенность и в языке чаха, где она тоже может выражаться прономинальными суффиксами (м. р. ед. ч. *-(ä)ta*, ж. р. ед. ч. *-(ä)x^yta*, м. р. мн. ч. *-(ä)^wxno*, ж. р. мн. ч. *-(ä)xnäma*), которые определяются Рубином как притяжательные суффиксы третьего лица [Rubin 2010: 104], а Эппльярдом как «связанные» личные местоимения третьего лица [Appleyard 2005: 55-56]. В языках зуай, селти, соддо, гогот и маскан и в ряде других эфиопских языках источником развивающегося суффицированного артикля *-u/i* был прономинальный объектный суффикс третьего лица единственного числа. Рубин пишет, что развитие притяжательного суффикса третьего лица ед. числа в определен-

---

⁸ Эппльярд не считает, что суффицированный артикль *-we* в языках мухер и эжа этимологически родственен притяжательным суффиксам *-u/w* (м.р.) и *-wa* (ж.р.) в амхарском и аргобба, однако ничего не говорит об источниках этого суффикса [Appleyard 2005: 54].

ный артикль «в высшей степени необычно» (*highly unusual*) — [Rubin 2011: 102], однако это не совсем так. Ситуация в южных амхарском и аргобба и в других южноэфиопских языках с грамматикализацией суффиксированных определенных артиклей сопоставима с ситуацией в языках коми, где следует говорить не просто о возможности артиклевого значения у притяжательных суффиксов (ср. формы типа *керка-ыд* «твой дом, известный тебе дом», *керка-ыс* «его дом, этот дом или известный дом»), как во многих других финно-угорских и самодийских языках, а существование единой грамматической категории, включающей в себя и определенность и притяжательность. Если прав Шлахтер, считавший, что основным и центральным значением притяжательных суффиксов было притяжательное значение, а демонстративное и детерминативное их значение развилось из этого значения [Schlachter 1960: 86], то и языки коми (и соответственно и другие финно-угорские и тюркские языки с детерминативным значением притяжательных суффиксов) нужно отнести к той же группе, что и южноэфиопские языки, где действительно можно проследить развитие притяжательность > детерминативность (см. выше). Однако артиклевое значение притяжательных суффиксов в уральских и алтайских языках можно представить себе и как развитие исконного локативного значения, превратившееся и в притяжательное и в детерминативное (см. ниже).

В период появления категории определенности в языках с притяжательным склонением происходила реинтерпретация притяжательных суффиксов, имеющих анафористическое и эмфатическое значение как показателей темы, т. е. расширение значения притяжательности. При этом редкие случаи эмфатического употребления притяжательных суффиксов в артиклевом значении (ср., напр., язык геез) становятся более частыми, что приводит к потере эмфазы и, в конечном счете, к грамматикализации артиклевых значений. По-видимому именно таким образом появлялись суффиксированные артикли или единая «притяжательно-определяющая» категория в южноэфиопских языках. Возможно такое же изменение происходит сейчас в индонезийском и в других малайско-полинезийских языках [Rubin 2010: 106-108, 2011: 102].

О связи притяжательности и определенности могут свиде-

тельствовать и определенные артикли в абхазском, абазинском [Табулова 1976: 44] и убыхском языках [Халбад 1968: 16]. В этих языках определенный артикль *a-* не суффигован, а префигирован, но именно в этих языках притяжательные аффиксы являются не суффиксами, а префиксами, и форма префигированного артикля совпадает с формой притяжательного префикса третьего лица единственного числа, так что возможно представить себе, что непосредственным источником артикля был именно этот притяжательный префикс, как считал еще Услар [Услар 1887: 77], см. также [Генко 1955: 101]. Возможно, однако, что и суффикс притяжательности и определенный артикль развились из демонстративно-локативного индикатора [Халбад 1968: 18], который также может иметь вид *a-* и служить основой для других указательных местоимений см., напр., [Colarusso 1989: 296; Paris 1989: 175].

Появления суффигованных артиклей в результате расширения значения притяжательных суффиксов с последующей грамматикализацией определенности не единственный путь суффиксации артиклей. Известно, что в большинстве языков мира определенные артикли развиваются из исконных указательных местоимений. В одних языках артиклевые значения указательных местоимений грамматикализуются в препозиции, в других случаях в постпозиции, превращаясь в суффиксы (как в арамейских, чадских, кушитских, мордовских языках, скандинавских языках, языках балканского ареала и др.). Попытаемся посмотреть, насколько наличие притяжательного склонения повлияло на суффиксацию артиклей, развившихся из указательных местоимений.

4. Появление суффигованных артиклей из указательных местоимений в постпозиции

4.1. Внутреннее развитие.

Как мы видели выше, один из типов появления суффигованных определенных артиклей это расширение значения притяжательных суффиксов. В языках с притяжательными суффиксами, где источниками суффигованных артиклей были указательные местоимения в постпозиции, мы имеем дело с несколько иным процессом, с суффиксацией стоящих в постпозиции указательных местоимений под влиянием имеющих сходную семан-

тику притяжательных суффиксов. Именно таким было развитие в мордовских языках, где по модели притяжательного склонения развился суффицированный определенный артикль, восходящий к постпозитивным указательным местоимениям, ср. эрзя-морд. *Видесть товзуро. Товзурось* (*tovs'uro-poss.3.sg.*) *кенерсь* «По-сеяли пшеницу. Пшеница-та созрела» [Тихонова 1972]. Пичем в мордовских языках ряд конструкций с детерминативным и эмфатическим значением сохраняет притяжательные суффиксы. Так при обозначении природных явлений или природных уникамов таких как солнце, небо, земля и т. п. используются чаще притяжательные суффиксы. Ср. *Ковозу* (*kovo-poss.3.sg.*) *салава вансь веленть* (*vel-def.art.*) *лангс* (*postpos.*) «Луна-его украдкой смотрела на (последлог) село-то». Конструкция с суффицированным артиклем, восходящим к указательному местоимению *се* «тот» в постпозиции [Серебренников 1967: 45], также возможна, ср. *ковось* (луна-та) (там же), ср. также *Вениц* (*ven-poss.3.sg.*) *пачк ётазь сеибе вирть* «Ночью (букв. ночью-его) прошли через весь лес» или *Вант времац* (*vrema-poss.3.sg.*) *кодами пси* «Посмотри ка, какое жаркое это время года» (букв «время-его») в мокша-мордовском языке.

Появление суффиксации определенных артиклей, развившихся из указательных местоимений, в языках с притяжательным склонением можно представить следующим образом. Стоящие в постпозиции указательные местоимения, которые чаще всего были источниками форм развивающихся определенных артиклей, были реинтерпретированы как суффиксы в языках с притяжательными суффиксами, имеющими во многом случаи значения, соответствующие значению этих указательных местоимений. Именно таким образом появились суффицированные артикли в мордовских языках. В языках коми, где притяжательные суффиксы могут иметь значения определенности и часто называются «определятельно-притяжательными» суффиксами (ср. выше), кроме значения определенности у притяжательных суффиксов развивается суффиксация эмфатически-анафорических частиц *-sö*, *-tö*, которые можно рассматривать как протоартикли, поскольку они имеют выделительные и детерминативные значения, частично соответствующие значению определенных артиклей, однако степень грамматикализации такого определенного артик-

ля невелика [Leinonen 1998, 87-88].

Можно предположить, что подобным же образом происходила суффиксация определенных артиклей во многих афразийских языках в том числе и в классическом арамейском. Суффицированный определенный артикль *-a* в классическом арамейском развился из указательного местоимения в постпозиции (возможно из того же что и префигированные артикли в арабском и древнееврейском⁹). Притяжательные суффиксы в арамейском присоединяются к форме эмфатического состояния и именно форма эмфатического состояния характерна для существительных с суффицированным определенным артиклем. Традиционно считалось, что арамейский суффицированный артикль это инновация, отличающая арамейский и древний южноарабский от других семитских языков. Однако Фогт показал, что суффицированный артикль был уже в прасемитском, и следы его сохраняются даже в тех семитских языках, для которых сейчас характерен префигированный артикль (в том числе в арабском и иврите) [Voigt 1998: 244-248]. Фогт предполагает, что суффицированный артикль *-ān* сохранялся и в восточносемитских языках, в частности в аккадском языке, где он выполнял детерминативную функцию наряду с притяжательными суффиксами [Voigt 1998: 245]. Если прав Фогт, то суффиксация в прасемитском проходила по «мордовской» модели, т. е. существование притяжательных суффиксов привело к реинтерпретации стоящих в постпозиции указательных местоимений как суффиксов. Такое состояние не сохранилось до наших дней в большинстве семитских языков, в которых развился новый препозитивный артикль. В среднеарамейском суффицированный определенный артикль также потерял и функцию эмфазы, и функцию показателя определенности и стал простым окончанием (см., напр., [Tsereteli 1978: 77; Jastrow 2008: 7-8]), и в новоарамейских языках появляется новый определенный артикль, либо префигированный [Voigt 1998: 248], либо суффицированный [Khan 1999: 173]. Причем в данном случае очевидно заимствование артикля. В одних новоарамейских диалектах был заимствован из курдского суффицированный артикль,

---

⁹ Об источниках суффицированного артикля в арамейском см. [Voigt 1998: 236-240].

в других из арабского префигированный артикль (подробнее о заимствовании артиклей см. ниже). Таким образом, в семитских языках объяснять надо не возникновение суффиксации определенных артиклей, которая появилась по «мордовской» модели, а исчезновение суффиксации и замену в части из них суффиксации префиксацией артикля (см. ниже).

По-видимому, по такой же модели происходило появление суффигового определенного артикля и в других афразийских языках, в частности в чадских языках (хауса, кера) и в кушитских языках (сомали). Для прачадского реконструируют указательные форманты **n* (м. р.) и **t* (ж. р.), которые часто становятся источниками суффигованных артиклей [Voigt 1998: 253]. В языке кера суффигованный определенный артикль имеет вид *-ŋ* [ibid.]. В языке хауса как определенные суффигованные артикли интерпретируются суффиксы *-r* и *-n* [Щеглов 1970: 112]. Считается, что эти суффиксы связаны этимологически с указательными местоимениями или с наречиями типа “здесь” и “там” [Migeod 1914: 85-86]. Основная сфера функционирования определенного артикля в хауса эмфаза [Stoiber 2002] и указание на тему сверхфразового единства [Щеглов 1970]. В хауса есть притяжательное склонение и частично фиксированный порядок слов (нет падежей). Мы видим, что в чадских языках можно предположить суффиксацию указательных местоимений в постпозиции в соответствии с суффиксальным выражением притяжательных значений. Вероятно такое же развитие было характерно и для кушитских языков. Уже в древних кушитских языках, в мероитском языке, на котором говорили с VI в. до н. э. до IV в. н. э. в стране Куш (северная Нубия и Судан) и в древнениубийском языке (VIII-XV вв.), отмечают наличие суффигованных артиклей [Завадовский, Кацнельсон 1980: 64-65; Завадовский 1981: 39-42]. В современном сомалийском языке определенный артикль суффигируется непосредственно к существительному и после притяжательного суффикса ко всему слову (тройное указание на определенность, притяжательный суффикс и дважды определенный артикль), см., *faras-k-ay-gu* «моя лошадь» (где *-k* определенный артикль существительного, *-ay* притяжательный суффикс, *-gu* фонологически обусловленная форма определенного артикля [Дубнова 1990: 43]).

Лайонз рассматривает притяжательные значения определенных артиклей как более позднюю ступень развития его значения. По Лайонзу английский и французский определенные артикли еще не имеют этой функции (ранняя стадия развития определенных артиклей), а итальянский и греческий развили эту функцию (более поздняя функция развития определенности), см. [Lyons 1999: 337]). Доступный нам материал по истории германских языков, см. ниже, и по современным финно-угорским языкам свидетельствует скорее об обратном порядке развития, т. е. о раннем притяжательном значении определенного артикля причем не только в языках с суффиксированным определенным артиклем, но и в языках со свободностоящим определенным артиклем в препозиции.

4.2. Реинтерпретация в результате языковых контактов.

Наряду с появлением суффиксированных артиклей из стоящих в постпозиции указательных местоимений под влиянием суффиксированного обозначения притяжательности в результате внутреннего развития, как это, вероятно, имело место в мордовских языках и в ряде афразийских языков (прасемитский, чадские и кушитские языки) существует и внешняя обусловленность суффиксации артиклей, когда языковые контакты языков с притяжательным склонением с языками в которых развивается категория определенности, приводит к суффиксации артиклей в этих языках. Именно с таким развитием мы имеем дело в языках с суффиксированными артиклями или протоартиклями в индоевропейских языках на периферии индоевропейского ареала — т. е. в скандинавских языках, в языках балканского ареала (болгарский, македонский, румынский и албанский), в северно-русских диалектах, в восточно-индоарийских языках (бенгали, ория, ассам) и в некоторых иранских языках и диалектах.

Традиционно считается, что суффиксация определенного артикля связана с возможностью постпозиции указательного местоимения. Естественно, что постпозиция необходимое условие суффиксации. Однако возможность постпозиции вовсе не обязательно должно приводить к суффиксации артикля. Если мы обратим внимание на то как появлялись определенные артикли в германских языках то увидим, что постпозиция была возможна и в

западногерманских языках (см. формы типа дрэнгл. дрэнгл. *tó sele þam héan* «к (тому) высокому залу», дрсакс. *nadra diu féha* «блестящий змей», срвнем. *gewaete daz wízze* «белая одежда», что, однако не приводило к суффиксации артикля в западногерманских языках. С другой стороны, в древних скандинавских языках вполне обычна была препозиция местоимения ср. *in alsnotra ambótt* «умнейшая служанка», *inn alda jötun* «старого великана», однако в скандинавских языках (кроме части южно- и западноютландских диалектов) развились суффиксированные артикли, а в западногерманских языках препозитивные свободностоящие артикли. Подобным же образом, если мы сравним развитие в романских языках, то оказывается, что только в одном румынском появился суффиксированный артикль, в остальных же романских языках артикль препозитивный и свободностоящий, т. е. из двух латинских возможностей с препозицией и постпозицией указательного местоимения (источника артикля в романских языках ср. лат. *ille lupus*, и *lupus ille*¹⁰), только румынский выбрал не только генерализацию постпозиции, но и суффиксацию, ср. фр. *il loup*, но рум. *lupul*.

В скандинавских языках сохранение довольно долгой письменной традиции позволяет нам проследить этапы появления суффиксации артиклей. Первые случаи суффиксации связаны с двумя семантическими группами – это притяжательное значение определенного артикля и его выделительное значение (эмпфаза и выделение основной темы в сверхфразовом единстве). Впервые суффиксированный артикль появляется в двух рунических надписях эпохи викингов в шведском Уппланде (**kuþ hialbi antini**). «Боже, помоги душе-той». Притяжательное значение очевидно не только по смыслу, но и поскольку в громадном большинстве случаев эта формула выглядит как **ant hans** «душе его». Древнешведские памятники свидетельствуют о том, что, по-видимому, центральная Скандинавия и была очагом распространения суффиксации протоартикля, которая распространилась далее

¹⁰ Постпозиция указательных местоимений была возможна и в западнороманских языках, о чем свидетельствуют формы типа старофр. *cist* «этот» < *ecce iste* или исп. *aque!* «этот» < *accu ille* [Lyons 1999: 333], однако генерализовалось как определенный артикль указательное местоимение в препозиции.

на юг. Однако суффиговый артикль не достиг самых южных скандинавских диалектов. В западно- и южнодатских диалектах Ютландии артикль не суффиговый, а свободностоящий препозитивный, как в западногерманских языках. Если мы вспомним о тесных контактах саамов и квенов со скандинавами именно в центральной Скандинавии в эпоху викингов (см. Kuzmenko 2009), и смену языка саамский или квенский > скандинавский, то можно предположить такую модель появления суффигованных артиклей. В ситуации субординативного двуязычия (*imperfect learning*) стоящие в постпозиции скандинавские указательные местоимения (а они могли стоять и в препозиции) были реинтерпретированы как суффиксы в скандинавском языке саамов и квенов в соответствии со значением притяжательных суффиксов в их родных языках. Причем в первую очередь такая реинтерпретация касалась притяжательного и эмфатического значения указательных местоимений. Таким образом указательное местоимение в постпозиции в конструкциях типа *Hann hefir brotit bein (h)it* «он сломал ногу ту» было реинтерпретировано как суффикс > *Hann hefir brotit beinit* в соответствии с суффиксальным выражением притяжательности в саамском или квенском языках, ср. севсаам. *son lea doadján juolggis*, фин. *hän on murtanut jalkansa*. Из скандинавского языка скандинавизированных финно-угров такая суффиксация распространилась на юг Скандинавского полуострова, однако она не достигла южной границы скандинавских языков. В южной и западной Ютландии определенный артикль не суффиговый, а препозитивный, как в западногерманских языках.

Примеры суффиксации в древних скандинавских языках свидетельствуют еще об отсутствии грамматикализации категории определенности. Однако становление относительно фиксированного порядка слов привело к проникновению суффиксации в новые и новые позиции и ко все большей грамматикализации суффигового протоартикла. Последним шагом в этом развитии было, вероятно, появление генерализирующей функции определенного артикла в предложениях типа шв. *hunden är ett däggdjur* «собака млекопитающее» (о появлении суффигового определенного артикла в скандинавских языках подробнее см. [Kuzmenko 2008: 87-114]). По-видимому типологически сход-

ное финно-угорское влияние можно обнаружить и в северно-русских диалектах, где постпозитивная частица *-то*, *-та*, *-от* еще не полностью грамматикализовалась как определенный, артикль, хотя и может выполнять эмфатическую и анафорическую функцию [Трубинский 1984: 29-36]. Уже неоднократно отмечалось сходство значений постпозитивной частицы в северно-русских диалектах с эмфатически-анафорическими суффиксами – *us*, *-to*, *-so* в коми [Бубрих 1949; Серебренников 1956; Leinonen 1998], (заметим, что и форма одной из этих частиц соответствует форме среднего рода русского указательного местоимения. При смене языка носители языка коми восприняли эти постпозитивные русские местоимения как суффиксы в соответствии со значением своих притяжательно-детерминативных суффиксов и эмфатичеко-анафорических частиц, и эта интерферентная черта распространилась в другие северно-русские диалекты.

Традиционно болгарские ученые, говорящие об отсутствии связи болгарских суффиксированных артиклей с албанскими и румынскими суффиксированными артиклями, приводят суффиксацию *-то* *-та*, *-от* в северно-русских диалектах как свидетельство исконности появления суффиксированных артиклей в славянских языках (см. литературу [Kusmenko 2003: 135-138]). Действительно связь между северно-русским развитием и развитием суффиксированных артиклей в болгарском есть, однако представляется, что она определяется не сходной славянской тенденцией, а типологическим сходством языков с притяжательным склонением, контактирующих или контактировавших с северно-русскими и болгарским и македонским языками. Причем на Балканах эти субстратные языки были тюркскими, и именно контакты болгарского, румынского и албанского с доосманотюркскими языками с развитой системой притяжательных суффиксов и способствовали появлению суффиксированных артиклей не только в болгарском, но и в албанском и в румынском языке. Первая волна тюрков — протоболгар появилась на Балканах уже в V веке, наиболее тесными стали эти контакты в VII веке после образования болгарского государства и процесс смены языка усилился в IX веке после принятия христианства. Считается, что к X веку закончился процесс смены языка у прото-болгар (тюркский > славянский). Однако доосманотюркское нашествие на Балканы

на этом не закончилось. В конце IX века на Балканах появляются печенеги, которые достигают Дуная и около 1000 г. распространяются по всей румынской равнине, проникая дальше на юг во Фракию и в Македонию. Христианизация печенегов привела к их быстрой ассимиляции и смене языка. Наконец в XI веке появляются новые тюрки куманы (половцы), которые также распространяются по территории Румынии, по Балканскому полуострову, принимают христианство и меняют язык на болгарский, румынский и албанский. Во множестве населенных пунктах на Балканах с названием, восходящим к названию половцев (куман) *Сотана, Сотанса, Сотанул, Куманово, Комана, Куманич, Кумановци* и т. п. теперь уже никто не говорит по-кумански, а говорят по-болгарски, по-македонски, по-румынски и по-албански (подробнее об этом см. [Kusmenko 2003; Kuzmenko 2005]). О связи суффиксации артикля в болгарском и македонском с притяжательными суффиксами тюркских языков может свидетельствовать то, что в части болгарских и македонских диалектов суффиксированный артикль трехчленный и служит не только для указания на определенность, но и для указания на положения предмета по отношению к говорящему (я-дейксис), слушающему (ты-дейксис) и к третьему лицу (он-дейксис), (ср. макед. 1. я-дейксис - *столов*, 2. ты-дейксис — *столот*, 3. он-дейксис — *столон*). Современная болгарская и македонская система с одним артиклем традиционно рассматривается как дальнейшее развитие исконной трехчленной системы [Гъльбѣв 1962: 112-113]. В албанском языке также реконструируют три исконных типа определенного артикля, значение которых соответствовало значению трехчленного болгарского и македонского артикля. В последствии, потеряв значение отнесенности к одному из трех участников ситуации, албанский артикль стал одночленным [Stöltig 1970] также как и артикль в литературном болгарском языке. Таким образом, можно предположить, что на первом этапе развития определенного артикля в языках балканского ареала стоящие в постпозиции разные указательные местоимения были при смене языка тюрками реинтерпретированны как суффиксы в соответствии с формой и значением трех типов притяжательных суффиксов в тюркских языках.

Возможно подобное же развитие было характерно и для

новых восточно-индоарийских языков (бенгальский, ассамский и ория), где происходит суффиксация указательных местоимений, значение которых приближается к значению артиклей [Baganz 1986: 1-8]. В данном случае следует предположить влияние соседних языков мунда с притяжательным склонением. И здесь можно усмотреть реинтерпретацию постпозитивных местоимений типа *-ta* восточных индоарийских языков, семантика которых более всего соответствует семантике определенного артикля, как суффиксов носителями языков мундо с притяжательными суффиксами (ср. *disumtak* «моя земля», *disumtam* «твоя земля», *disumtae* «его земля» в языке мундари (см. [Osada 1992: 48]) и форму *dēśatā* «земля-та» в бенгальском языке¹¹.

В северо-западных иранских языках сорани, гурани и заза функцию определенного суффиксированного артикля выполняет суффикс *-aká, -äkä* [Цоболов 1997: 57; Пирейко 1997а: 123, 1997б: 175], этимология которого остается не до конца ясной¹², в диалектах центрального Ирана суффиксированный определенный артикль имеет вид *-i, -e, -ä* [Расторгуева, Мошкало 1997: 266], в языке сивенди (юго-запад Ирана) суффиксированный артикль имеет вид *-ú* [Молчанова 1997: 387-388]. Возможно, что суффиксация определенных артиклей и протоартиклей в северо-западных иранских языках происходила по указанной выше модели, т. е. была связана с существованием притяжательных суффиксов в арамейских языках. В древнеарамейском существовал и суффиксированный определенный артикль, см. выше. Однако он исчез в среднеарамейский период, поэтому более вероятным кажется именно влияние арамейских притяжательных суффиксов на суффиксацию определенного артикля в западноиранских языках. В диалектах центрального Ирана возможно и влияние суффиксов изафета *-i, -e* [Ефимов 1997; Расторгуева 1982]. Представляется, что появление суффиксированных определенных артиклей в иранских языках связано с ирано-арамейскими контактами и с иранизацией носителей арамейского языка с притяжа-

¹¹ Вторым источником развивающегося определенного суффиксированного артикля в бенгальском языке стал классифицирующий суффикс при числительных (*ek-ti chele* “one-CLASS child” «один этот ребенок» > *chele-ti* “the child”) — [Lyons 1999: 331].

¹² См., напр., [Цоболов 1997: 57; Пирейко 1997: 123].

тельным склонением.

5. Развитие суффиговых артиклей из местоименных локативных индикаторов

Как было сказано выше, многие предполагают первоначальное локативное значение суффиксов, которые потом получили притяжательное значение. Основным доказательством такого положения являются непритяжательные значения притяжательных суффиксов, см. выше. Однако есть языки, в которых можно проследить непосредственное развитие исконных локальных показателей в суффиговые артикли¹³. В отношении определенных артиклей в препозиции на развитие локальный дейктический показатель > определенный артикль неоднократно указывалось (см., напр., [Himmelman 1997: 27-28]). Однако такое развитие можно увидеть и при суффиксации артикля. В современном армянском языке есть суффигованный определенный артикль — *-n*. Этот артикль развился из суффикса третьего лица единственного числа, обозначавшего в древнеармянском любое в том числе локальное отношение к третьему лицу («у него, там, его»). В древнеармянском языке существовали суффиксы, указывающие на отношение к говорящему: суффикс *-s* обозначал положение рядом с говорящим или отношение к сфере говорящего («у меня, мой, тут, этот»), суффикс *-d* обозначал положение рядом со слушающим или отношение к сфере слушающего («у тебя, тут, твой»), а будущий определенный артикль суффикс *-n* обозначал положение рядом с третьим лицом или отношение к сфере третьего лица («у него, там, тот, его»). Причем три типа свободных указательных местоимений также имели эти суффиксы [Туманян 1954, 1963, 1971]. В древнеармянском эти суффиксы могли иметь и локативно-указательное значение и значение, соответствующее значению определенного артикля, и притяжательное значение и даже значение личных местоимений [Ту-

---

¹³ Превращение локативных наречий в артикли можно проследить и в том случае, если артикль свободностоящий и препозитивный. Так из французского локативного наречия *là* «там» развился свободностоящий определенный артикль в креольских языках на французской основе [Lyons 1999: 331].

манян 1954: 212-226, 1963: 35-37, 1971: 272-273]. Считается, что первоначальное значение этих суффиксов было чисто локативным [Jensen 1959: 164]. Различие притяжательного и локативно-указательного значения у древнеармянских суффиксов *-s*, *-d*, *-n* видно из примеров, когда лицо свободностоящих притяжательных местоимений не соответствует лицу, выражаемому этими суффиксами, см., напр. древнеарм. *khojr-d* (“сестра+2sg.loc”) *im*. (poss.pron.1.sg) «сестра-твоя моя», т. е. «моя сестра, находящаяся у тебя» (ibid.), или *ordwoy-d* (2sg.loc) *imum* (poss.pron.1.sg.), *zordid* (2.sg.poss.) «Если обидишь сына моего (букв. «твоего, т. е. моего сына, который у тебя»), то я убью твоего сына» [Туманян 1971: 276]. В последнем примере суффикс *-d* имеет в первом случае локальное значение, а во втором случае чисто притяжательное значение. В современном армянском языке суффиксы *-s*, *-d* стали чисто притяжательными суффиксами [Туманян 1963: 53-55], а суффикс *-n* — определенным артиклем, который может иметь и притяжательное значение подобно значению определенных артиклей во многих языках, см. выше. Армянский язык является очевидным примером развития поссессивного значения у локативных суффиксов, определяющих позицию по отношению к говорящему. Мы не можем говорить о непосредственном влиянии суффицированного выражения прямой притяжательности на суффиксацию определенного артикля. Речь должна идти о существовании особой грамматической категории, которая выражалась и свободностоящими местоимениями и наречиями и суффиксами и которая обозначала позицию по отношению к говорящему и имела локативные дейктические и притяжательные значения. Вопрос в том, что могло способствовать суффицированному выражению этой категории, которая в дальнейшем расщепилась на две: притяжательное значение для исконных суффиксов первого и второго лица и значение определенного суффицированного артикля для суффикса третьего лица. Возможно армянская суффиксация объясняется армяно-грузинскими контактами и связана с древнегрузинским суффицированным артиклем, который также обозначал ориентацию по отношению к говорящему («здесь, этот, у меня меня»), слушающему («там, тот, у те-

бя») и третьему лицу («там далеко, тот далеко, у него»)¹⁴. Шанидзе отмечает наличие определенного суффигового артикля в древнегрузинском языке, у которого две функции: «превратить неопределенное в определенное и отнести его к одному из трех лиц», ср. 1. *-ese*, 2. *-ege*, 3. *-igi* [Schanidze 1982: 47]. Источником древнегрузинских артиклей были три указательных местоимения, выразившие, также как в армянском, отношение к говорящему *-ese* (ср. лат. *hic*), слушающему *-ege* (ср. лат. *iste*) и к третьему отсутствующему лицу - *igi* (ср. лат. *ille*) [Boeder 1997: 207]. Сходство значений древнегрузинского суффигового артикля с древнеармянскими суффиксами настолько очевидно, что предположение о грузинском влиянии на армянский кажется вполне вероятным¹⁵. Однако встает естественный вопрос об источниках суффиксации в грузинском. Поскольку в древнегрузинском не было притяжательных суффиксов у существительных, то единственной возможной моделью для появления суффиксации древнегрузинского артикля оказываются суффигованные постглагольные указательные и личные местоимения, характерные для древнегрузинского [Boeder 1997: 208], причем анафорическое значение суффигового артикля редко, а основное его значение эмфатическое [ibid.: 210-213].

6. Заимствование суффигованных артиклей

Наряду с указанными выше примерами реинтерпретации стоящих в постпозиции исконных указательных местоимений как суффиксальных определенных артиклей в результате влияния суффиксального выражения притяжательности в родном языке при языковом контакте существуют и прямые заимствования суффигованных артиклей. Наиболее очевидно это в том случае, когда заимствуется и сама форма определенного артикля, как это произошло при заимствовании суффигового артикля *-ake* в

---

¹⁴ О возможности прямого заимствования артикля см. ниже.

¹⁵ Высказанное мной ранее предположение о том, что появление армянского суффигового артикля могло быть связано с ранними армяно-тюркскими контактами, о которых свидетельствуют исторические источники и топонимы [Кузьменко 2008: 115], не кажется мне теперь вероятным.

северо-восточноарамейском говоре Абель из курдского языка сорани (< курдск. *-aka, -akay*) [Khan 1999: 173, 195-196, 203-204]. В диалекте Абея много заимствований из сорани, причем заимствуются не только слова, но и целый ряд суффиксов [ibid.:155, 191-192], в числе которых и оказался суффикс определенности. Возможно, правда, что и в данном случае суффиксация определенного артикля была подкреплена существованием в языке Абель притяжательных суффиксов. К заимствованиям моделей с трехчленным протоартиклем относится, вероятно, и описанное выше заимствование древнеармянского трехчленного локативного индикатора, показывающего положение по отношению к говорящему из древнегрузинского.

7. Предварительные выводы

Появление суффиговых артиклей было связано в описанных выше языках либо с существованием притяжательного склонения, либо с существованием суффиговых локативных индикаторов, либо было простым заимствованием. Однако для всех указанных выше случаев характерны и ряд других общих черт, также способствующих суффиксации артиклей. Все описанные выше языки с суффиговыми артиклями либо сильно агглютинативны, либо развили ряд агглютинативных черт, как это в частности сделали скандинавские языки в отличие от других германских языков. Кроме того, естественно, что суффиговыми артикли развиваются в первую очередь в агглютинативных языках, в которых нет префиксов (финно-угорские языки, тюркские языки). Таким образом, если в период появления грамматической категории определенности у агглютинативного языка с притяжательным склонением или находившимся в контакте с языком с притяжательным склонением нет префиксов, то есть большая вероятность развития суффиговых определенных артиклей. Если агглютинативный язык с притяжательными суффиксами имеет и префиксы и суффиксы, то вероятность появления суффигового артикля тоже велика (см. мероитский язык, древненубийский язык, сомалийский язык, языки хауса и кера, прасемитский (или ряд древних семитских языков). Естественно, что возможность постпозиции исконного указательного местоимения также являлась важной предпосылкой его

суффиксации при превращении в определенный артикль, хотя не исключены и случаи переноса исконных указательных местоимений в постпозицию под влиянием суффиксального образования притяжательных суффиксов. Однако связь существования притяжательных суффиксов с появлением суффиксации артиклей не может быть универсалией. Постулируемая связь одних изменений с другими в нашей науке может иметь только вероятностный характер. У нас невозможны универсалии типа если $A > B$, то $C > D$, а скорее возможны фреквенталии если $A > B$, то есть большая вероятность, что $C > D$. Определяется это тем, что языковые системы — это системы с большой редундантностью. Одна и та же информация передается обычно несколькими способами. Именно такая редундантность и опеспечивает лучшее понимание информации слушателем, но она же приводит к тому, что в языке не может быть обязательной связи одних изменений с другими. Исчезновение одного из нескольких способов передачи одного и того же значения может вообще не привести к изменениям. Представленный материал позволяет установить несколько фреквенталий, связанных со сходством категории притяжательности и категории определенности. Суффиксация определенного артикля (или протоартикля) часто происходит в языках с притяжательным склонением, при этом определенный артикль развивается из притяжательного суффикса непосредственно, либо происходит суффиксация исконных указательных местоимений по модели суффиксации притяжательных суффиксов, имеющих частично сходные с этими местоимениями значения. Сделующей моделью является подобная же аналогия, но уже при языковом контакте, когда стоящие в постпозиции указательные местоимения языка А реинтерпретируются как суффиксы в контактирующем языке В. Такую фреквенталию можно предположить на основании появления суффиксированного артикля (или протоартикля) в индоевропейских языках. Материал показал и большую склонность агглютинативных языков к суффиксации определенных артиклей, при этом отсутствие префиксов также способствует появлению суффиксированных артиклей. Однако представленные выше фреквенталии могут нарушаться. К нарушениям фреквенталий относятся случаи появления свободностоящих определенных артиклей

(венгерский) или префигированных определенных артиклей (ряд семитских языков, в том числе арабский и еврейский) в языках с притяжательными суффиксами, появление суффигованных артиклей в языках без притяжательных суффиксов (баскский) или с притяжательными префиксами (адыгские языки). Рассмотрим эти случаи подробнее.

8. Случаи нарушения установленных фреквенталий

Венгерский язык является единственным финно-угорским языком, в котором появился свободностоящий препозитивный определенный артикль. Свободностоящий определенный артикль развился в венгерском несмотря на существование притяжательных суффиксов, которые могут иметь значение определенности и на начальное ударение, которое должно было бы препятствовать распространению ямбической структуры слова со свободностоящим препозитивным артиклем и на общую агглютинативность. Мы видим, что, исходя из системных факторов, мы должны были бы ожидать суффиксации определенного артикля в венгерском, однако там появился свободностоящий определенный артикль. На появление венгерского суффигованного артикля должны были повлиять какие-то иные факторы. Действительно высказывалось роедположение о том, что венгерский свободностоящий артикль был заимствован из немецкого (литература см. [Клепко 1962]). Однако они, как правило, отвергались, поскольку считалось, что немецко-венгерские контакты начались только после вхождения Венгрии в Австро-Венгрию в 1687 г., в то время как препозитивный определенный артикль начал развиваться в венгерском в XIV-XV в. [ibid.; Egedi 2013: 375]. Однако вряд ли стоит отказываться от идеи о немецком влиянии на появление венгерского определенного артикля. Следует просто обратить внимание на первые венгерско-немецкие контакты, начавшиеся вскоре после прихода венгров на их новую родину. Венгры появились в Трансильвании в конце IX века и после присоединения Трансильвании к Венгрии венгерским королем Иштваном I, венгерский король Геза II в 1147 году пригласил немцев со среднего Рейна и Мозеля заселять Трансильванию, для развития местной горной промышленности. После первой немецкой колонизации последовали и последующие, когда немцы приглашались для за-

щиты южных рубежей Венгрии от набегов кочевников с востока [Wagner 1990]. Начиная с этого времени начался процесс полной или частичной смены языка немецкий > венгерский. Свободно-стоящий определенный препозитивный артикль грамматикализовался в немецком языке в средневерхнемецком период в XII-XIII вв. [Жирмунский 1956: 236], и именно венгерско-немецкие контакты в Трансильвании могли быть толчком к появлению препозитивного артикля в венгерском (вероятно, вначале в венгерском языке трансильванских немцев)¹⁶.

Противоречит нашей фреквенталии и препозитивный определенный артикль в части семитских языков, прежде всего в арабском и еврейском. Здесь тоже в момент появления определенного артикля были притяжательные суффиксы, так что, казалось бы, мы должны были ожидать суффиксации определенного артикля. Если прав Фогт, то действительно вначале в прасемитском появился суффиксированный определенный артикль, дольше всего сохранявшийся в арамейском, но потом исчезнувший во всех семитских языках (см. выше). По традиционной точке зрения арабский и еврейский префигированный определенный артикль появился без стадии суффиксированных артиклей. В любом случае притяжательные суффиксы сочетаются в этих языках не с суффиксацией, а с префиксацией определенных артиклей. Структурной предпосылкой появления префиксации могло послужить префиксальное выражение многих категорий в семитских языках, однако не исключено, что основным источником препозиции оп-

---

¹⁶ В современном венгерском языке определенный артикль с нарицательными существительными обязателен в любых случаях определенности даже после указательных местоимений или перед притяжательными суффиксами (двойное указание на определенность), см., напр., *ez* (dem. pron.) *a* (def.art.) *könyv* «эта книга», *az* (def. art.) *én* (pers. pron. 1.sg.) *könyv-em* (poss. 1.sg.) «моя книга». Двойное указание на определенность развилось в венгерском сравнительно поздно. В XIV-XV вв. в первых случаях появления определенного артикля он не встречается ни с притяжательными суффиксами, ни с указательными местоимениями (ср. *ez könyv* «эта книга», *én könyvem* «моя книга» [Egedi 2013: 369-370, 380]). Именно таковы правила употребления определенного артикля в немецком.

ределенного артикля были семито-египетские¹⁷ и позднее семито-коптские языковые контакты. Считается, что в египетском языке указательное местоимение грамматикализовалось как определенный артикль в препозиции только в позднеегипетский период [Egedi 2012: 76]. В коптском префигированный определенный артикль (м. р. *pe:-*, ж. р. *te:-*, мн. ч. *ne:-*) уже развит в полной мере [Plumley 1948: 14; Egedi 2012: 75-77]. Хотя в коптском есть остатки притяжательных суффиксов с некоторыми существительными, в основном с частями тела [Plumley 1948: 9], притяжательное значение выражено здесь так называемым притяжательным артиклем, также префигированным и имеющим значение «относящийся к» (м. р. *pa-*, ж. р. *ta-*, мн. ч. *na-*) — [ibid.: 11]. Возможно именно коптское префигированное выражение определенности повлияло на арабскую префиксацию определенного артикля, которая должна была быть характерна в первую очередь в арабском языке коптов.

Не показывают связи появления суффиксированного артикля с суффиксацией притяжательных аффиксов и адыгские языки с определенным суффиксированным артиклем из указательных местоимений. В этих языках притяжательные аффиксы являются префиксами, подобно притяжательным префиксам в абхазских языках (см. выше). В адыгских языках есть суффиксы *-r*, *-t*, которые имеют значение определенных артиклей [Халбад 1968: 19; Таов 1970: 56; Paris 1989: 175; Colarusso 1989: 493], см., напр., адыгейское *кIалэр макIо* «юноша (опр.) идет» — *кIалэ макIо* «юноша идет», но в эргативном падеже только с определенным артиклем, который является и падежным показателем, ср. *кIалэм етIы* «юноша делает» — [Кумахов 1999: 96]. Как мы видим, кроме детерминативной функции эти суффиксы могут иметь значение падежных показателей, подобно значению свободностоящих артиклей во многих языках (ср., напр., немецкий). Считается, что в адыгских языках источниками суффиксальных определенных артиклей были указательные местоимения: ср. *-r < ri < Ie* «эта», *-t < ti* «тот» [Рогова, Керашева 1966]. Хотя в локальных падежах суффиксы *-r*, *-t* означают только определен-

¹⁷ Считается, что египетский и сменивший его коптский были особой ветвью афразийских языков.

ность, Таов считает, что артиклевое значение этих суффиксов уступает место их падежным значениям [Таов 1970: 58-59]. Возможна связь адыгских суффиговых артиклей с древнегрузинскими суффигованными артиклями, хотя ни этимологически, ни грамматически такая связь не устанавливается. Относительно адыгских суффигованных артиклей можно предположить и отличное от обычно предполагаемого развитие, т. е. первоначальное падежное значение суффиксов, ставших впоследствии артиклями, но сохранивших падежные значения. В таком случае мы имеем дело с превращением падежных показателей абсолютного и эргативного падежа в показателя определенности, что вполне естественно, поскольку и эргатив и номинатив, являясь подлежащими чаще всего являются и темой А поскольку падежные показатели как правило суффиксальны, а не префиксальны, естественно, что и определенные артикли стали суффиксальными. Несомненно, однако, что предлагаемое здесь развитие требует дальнейшего и внутреннеязыкового и типологического подтверждения.

Наконец, существование притяжательных суффиксов, хотя и частое, но вовсе необязательное условие появления суффигованного артикля. В тех языках, где регулярна постпозиция указательных местоимений и развивается категория определенности, возможна суффиксация определенного артикля. Именно такова ситуация в баскском, где всегда стоявшие в постпозиции указательное местоимение стало источником суффигованного артикля *-a* [Trask 1997: 199]. Притяжательное местоимение здесь всегда стоит перед существительным с определенным артиклем (*zure etche-a* (def.art) «наш дом» [Lafitte 1995: 83]¹⁸. Наличие языков с суффиксацией только неопределенных артиклей (таджикский, персидский) еще раз напоминает нам о том, что связь притяжательных суффиксов с суффиксацией определенного артикля всего лишь фреквенталия.

---

¹⁸ В баскском правило «определение после определяемого» касается и существительных и прилагательных и не относится только к свободностоящим притяжательным местоимениям, которые стоят в препозиции, но в значении определенности употребляются с суффигованным определенным артиклем [Lafitte 1995].

Литература

- Бубрих 1949 — Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
- Генко 1955 — А. Н. Генко. Абазинский язык. М., 1955.
- Гъльбъв 1962 — И. Гъльбъв: Проблемът на члена на българския и румънския език. София, 1962.
- Дубнова 1990 — Е. З. Дубнова. Современный сомалийский язык. М., 1990.
- Жилина 1985 — Т. И. Жилина. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.
- Жирмунский 1956 — В. М. Жирмунский. История немецкого языка. М., 1956.
- Завадовский 1981 — Ю. Н. Завадовский. Проблема артикля в мероитском языке // Мероэ. Проблема истории и культурных связей. Вып. 2. М., 1981. С. 39-44.
- Завадовский, Кацнельсон 1980 — Ю. Н. Завадовский, И. С. Кацнельсон. Мероитский язык. М., 1980.
- Киекбаев 1965 — Дж. Г. Киекбаев. О грамматической категории определенности и неопределенности в урало-алтайских языках // Советское финно-угроведение 4, 1965. С. 237-244.
- Клепко 1962 — В. И. Клепко. К истории освещения взглядов на сущность и генезис венгерского артикля // Вопросы языка и литературы 3, 1962. С. 80-102.
- Клепко 1964 — В. И. Клепко. Употребление определенного артикля в венгерском языке // Вопросы языка и литературы 4, 1964. С. 116-147.
- Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 — А. И. Кузнецова, Е. Л. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1980.
- Кумахов 1999 — М. А. Кумахов. Адыгейский язык // М. Е. Алексеев (отв. ред.). Языки мира. Кавказские языки. М., 1999. С. 91-102.
- Молчанова 1997 — Е. К. Молчанова. Сивенди // В. Е. Ефимов (отв. ред.). Основы иранского языкознания (ОИЯ). Новоиранские языки. Т. 2. М., 1997. С. 330-418.
- Николаева Т. М., 1984: Поссесивность и другие содержательные категории. // Категория поссесивности в славянских и балканских языках. Москва. 216-246.

- Павлов И. П., 1985: Категория выделения в современном чувашском языке. // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Чебоксары. 3-15.
- Пирейко Л. А., 1997а: Заза. // ОИЯ Т. 2. 97-143.
- Пирейко Л. А., 1997б: Гурани. // ОИЯ Т. 2. 144-194.
- Прокушева Т. И., 1984: Категория определенности в коми языке. // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар. 43-50.
- Прокушева Т. И., 1990: Структурно-семантические условия употребления лично-притяжательных суффиксов (на примерах коми и удмуртского языков) // Вопросы грамматики и контактирования языков. Ижевск.
- Рogaва Г. В., Керашева З. И., 1966: Грамматика адыгейского языка. Майкоп.
- Расторгуева В. С., Ефимов В. Е., 1982: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Т. 1. Западная группа, прикаспийские языки. Москва.
- Расторгуева В. С., Мошкalo В. В., 1997: Диалекты центрального Ирана. // ОИЯ Т. 2. 195-329.
- Серебrenников Б. А., 1953: Изогlossные явления чувашского и марийского языков. // Академику Гордиевскому. Москва. 231-242.
- Серебrenников Б. А. 1956: Проблема субстрата. // Докладу и сообщення Института языкознания АН СССР. Т. 9. 1956. 33–56.
- Серебrenников Б. А. 1963: Историческая морфология пермских языков. Москва, 1963.
- Серебrenников Б. А. 1967: Историческая морфология мордовских языков. Москва, 1967.
- Серебrenников Б. А. , Гаджиева Н. З., 1979: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Табулова Н. Т., 1976: Грамматика абазинского языка. Черкесск.
- Таов Х. Т., 1970: Категория определенности и неопределенности. // Вестник Кабардино-балкарского научно-исследовательского института Вып. 2. Нальчик. 56-61.
- Терещенко Н. М., 1965: Ненецко-русский словарь. Москва.
- Терещенко Н. М., 1979: Нганасанский язык. Ленинград.
- Тихонова Т. М., 1972: Выражение категории определенности в мордовских языках. // Вопросы мордовского языкознания. Вып. 42. Саранск, 1972. 3-60.
- Трубинский В. И., 1984: Очерки русского диалектного синтаксиса. Ленинград..
- Туманян Э. Г. 1954: Указательные местоимения в армянском языке. Труды Института языкознания АН СССР. Т. 3. 1954. 212-226.

- Туманян Э. Г., 1963: Артикли в современном армянском языке. Ереван.
- Туманян Э. Г. 1966: Армянский язык. // Языки народов СССР. Т. 1. Индо-европейские языки. Москва, 1966. С. 562-598.
- Туманян Э. Г. 1971: Древнеармянский язык М. 1971
- Услар П. К. 1987: Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
- Федотов М. Р., 1970: Формы принадлежности 1-го и 3-го лица ед. числа в тюркских и финно-угорских языках в свете урало-алтайской общности. // Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете министров Чувашской АССР. Вып. 49. Филология. Чебоксары. 177-183.
- Халбад Т. Х., 1968: Выражение определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках. Москва. (АКД)
- Цабалов Р. Л., 1997: Курдский язык. В: ОИЯ Т. 2. 6-96.
- Щеглов Ю. К., 1970: Очерк грамматики языка хауса. Москва.
- Appleyard D. L., 2005: Definite markers in Modern Ethiopian Semitic languages. // Semitic studies in honor of Edward Ullendorff. Ed. G. Khan. Leiden, Boston. 51-61.
- Baganz L. 1986: Das -tā-Morphem im modernen Bengali. // Brauner S. und K. Legère (Hg.): Theoretische Probleme der Sprachen Asiens und Afrikas. (= Linguistische Studien. Reihe A: Arbeitsberichte; 148). Berlin. 1-8.
- Baskakov N. A., 1975: On the common origin of the categories of person and personal possession in the Altaic languages. // Research in Altaic languages. Papers read at the 14th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference held in Szeged, August 22-28, 1971. Budapest. 7-13.
- Benzig J., 1993: Bolgarisch-tschuwaschische Studien. Hg. von C. Söning. Wiesbaden.
- Boeder W., 1997: Zum Artikel im älteren Georgischen. // Sprache im Fokus. Festschrift für Heinz Vater. Hg. Chr. Dürscheid, K. H. Ramers, M. Schwarz. Tübingen 205-217.
- Colarusso J., 1989: East Circassian (Kabardian dialect). // The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 2. The North-West Caucasian languages. Ed. B. G. Hewitt. New York. 261-355.
- Egedi B., 2012: Coptic noun phrases. Budapest. (CopticArticlepdf-[microsoftword-dissertationEgedi2012-09-12.doc])
- Egedi B., 2013: Grammatical encoding of referentiality in the history of Hungarian. Synchrony and Diachrony: a Dynamic Interface. Amsterdam. 367-389.
- Fraurud K., 2001: Possessives with extensive use. A source of definite article. // Dimensions of possession. Ed. I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen.

- Amsterdam, Philadelphia, 2001. 243-267.
- Grönbech K., 1936: *Der türkische Sprachbau*. Kopenhagen.
- Haugen E., 1984: *Die skandinavischen Sprachen*. Hamburg.
- Himmelmann N. P., 1997: *Deiktikon*, Artikel, Nominalphrase. *Zu Emergenz syntaktischer Struktur*. Tübingen.
- Hodler W., 1954: *Grundzüge einer germanischen Artikellehre*. (= *Germanische Bibliothek*. 3. Reihe: *Untersuchungen und Einzeldarstellungen*). Heidelberg.
- Janhunen J., 1981: *On the structure of Proto-Uralic*. // *Finnisch-Ugrische Forschungen* Bd 44. 23-42.
- Jastrow O., 2008: *Old Aramaic and Neo-Aramaic. Some reflections on language history*. In: *Aramaic in its historical and linguistic settings*. Ed. by H. Gzella, M. L. Folmer. Wiesbaden. 1-11.
- Jensen H., 1959 *Altarmenische Grammatik*. Heidelberg, 1959.
- Khan G., 1999: *A grammar of New-Aramaic. The dialect of the Jews of Abel*. Leiden, Boston, Köln.
- Künnap A., 2004: *About the non-personal definite function of the Uralic 3rd person possessive suffix*. // *Linguistica Uralica*. V. XL N 1. 1-4.
- Kusmenko Ju. K. 2003: *Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen*. // *Актуальные вопросы балканского языкознания*. (ред. А.Н. Соболев, А.Ю. Русаков). С.-Петербург. 2003. 133-157.
- Kusmenko Ju. 2008: *Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen*. Berlin.
- Kuzmenko Yu. K. 2005: *Typology of the language contact on the Balkans and in Scandinavia - the case of the suffixed definite article*. // *Studies in Eurolinguistics*. Vol. 2. *Integration of European Language Research* (Ed. P. Sture Ureland). Berlin 2005. 89-112.
- Kuzmenko Yu. 2009: *The Sámi and Scandinavians in the Viking Age*. // *Approaching the Viking Age*. Red. E. Sausverde, I. Steponaviciute. Vilnius 2009. 65-93.
- Lafitte P., 1995: *Grammaire Basque*. Donistia.
- Leinonen M. 1998: *The postpositive particle -to of Northern Russian dialects, compared with Permic languages (Komi Zyrian)*. // P. Apinmiemi, Jyrki (ed.): *Studia Slavica Finlandensia in Congressu XII Slavistarum Internationali Cracoviae anno MCMXCVIII oblata*. (= *Studia Slavica Finlandensia*; 15), Helsinki. 74–89.
- Lyons Chr., 1999: *Definiteness*. Cambridge.
- Migeod F. W. Y., 1914: *A grammar of the Hausa language*. London.
- Osada T., 1992: *A Reference Grammar of Mundari*. Tokyo.
- Paris C., 1989: *West Circassian (Adyghe: Abzakh dialect)*. // *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 2. *The North-West Caucasian languages*. Ed. B. G. Hewitt. New York. 155-260.

- Plumley J. M., 1948: Coptic grammar (Sahidic dialect). London.
- Rubin A. D. 2010: The development of the Amharic definite article and an Indonesian parallel. // *Journal of Semitic studies*. V. 55, N 1. 103-114.
- Rubin A. D., 2011: The value of studying grammaticalization in Semitic. In: *Aula Orientalis* v. 29. 99-104.
- Schanidse A., 1982: *Grammatik der altgeorgischen Sprache*. Tbilissi.
- Schlachter W., 1960: *Studien zum Possessivsuffix des Syriänischen*. Berlin.
- Stoiber F., 2002: *Hausa-Online-Lehrbuch*. (univie.ac.at./Hausa/)
- Stötling W. 1970: *Beiträge zur Geschichte des Artikels im Bulgarischen*. (= *Slavistische Beiträge*; 44), München.
- Sundman M., 1993: *Species i jämförande perspektiv*. Svenska och finska. // *Svenskans beskrivning* 20 (1993), 350–359.
- Tauli V. 1966: *Structural tendencies in Uralic languages*. Indiana University Publications. Uralic and Altaic/ Series 17. The Hague.
- Trask R. L., 1997: *The history of Basque*. London.
- Tsereteli K. 1978: *Grammatik der modernen assyrischen Sprache (Neuostaramäisch)*. Leipzig.
- Voigt R., 1998: *Der Artikel im Semitischen*. // *Journal of Semitic Studies*. XLIII, N 2. Autumn 1998. 221-258
- Wagner E., 1990: *Geschichte der Siebenbürger Sachsen*. Innsbruck.